

Андрей МИРОНОВ

Как я не стал великим пианистом

Москва, правда - 1995 - 22 июня - 97

У НАС ДОМА стоял рояль «Блютнер». Это название фирмы. Но до 4 лет я был убежден, что это фамилия рояля. Дело в том, что очень часто к нам приходил композитор Матвей Исаакович Блантер. Я был уверен, что Блантер, Блютнер - это одно и то же. Вообще у меня родители очень музыкальные люди, и они мечтали, чтобы я стал пианистом. Я очень часто замечал, что многие родители мечтают, чтобы их дети шли не их путем. Они, наверное, так намучались со своей профессией и желают детям как-то облегчить жизнь. Ну, например, учитель мечтает, чтобы его сын стал врачом. Врач хочет, чтобы его сын стал поэтом или писателем. Инженер мечтает, чтобы его сын поступил в торговый институт, стал директором, там, ресторана или магазина. Одним словом, пожил бы как

человек. Так вот, значит, мои, видимо, тоже намаялись очень на эстраде и мечтали, чтобы я стал пианистом. Еще буквально в грудном возрасте меня подносили к инструменту, я бил кулачком по клавишам и уже тогда произносил фамилию великого композитора: «Бах, бах, бах». Ну, родители сочли это достаточным основанием, чтобы пригласить ко мне учителя музыки. Это был очень пожилой человек с печальными глазами. Он сыграл что-то и попросил меня повторить. Как мог, я повторил. Глаза его стали еще печальнее. Он сказал: «К сожалению, у этого мальчика нет слуха». Тогда вмешалась бабушка, она была очень энергичная женщина, и сказала: «Я не понимаю, а зачем мальчику слух, он же будет играть, а не слушать». «Резонно», - сказал музыкант и попросил меня что-нибудь спеть. Я спел свою любимую в то время песню

«Реве тай стогне Днипр широкий». «Ну что ж, - сказал музыкант, - на стихийное бедствие это похоже, но к мелодии не имеет никакого отношения».

Тогда опять ворвалась бабушка, она, кстати, больше всех хотела, чтобы я стал пианистом. Она сказала: «Простите, я не понимаю, его отец великолепно играет на рояле, но разве это не передается по наследству?» А музыкант был такой интеллигентный человек, он сказал: «Мадам, вы не волнуйтесь, рояль передается». И ушел навсегда.

У нас в доме бывали замечательные композиторы. Я очень хорошо их помню. И Соловьев-Седой, и Исаак Осипович Дунаевский, тот же Матвей Исаакович Блантер, и все они при удивительном музыкальном даровании не могли обнаружить во мне никаких способностей. Только, пожалуй, единственный человек, Леонид Осипович Утесов, послушав мое бречание, сказал: «Андрюша, детка, никого не слушай, играй каждый день по два часа, доставь радость папе с мамой». Вот тогда уже, извините, взмолился отец: «Леонид Осипович, а в чем радость?!» Утесов ответил: «Сашенька, радость - когда он замолкнет».

Но несмотря ни на что, меня определили в музыкальную школу для особо одаренных детей. Моя одаренность заключалась в том, что родителям действительно довольно часто приходилось как-то одаривать педагогов, чтобы меня не турнули из этой школы. Я ее ненавидел лютой ненавистью. Из всех музыкальных предметов мне больше

всего нравилась твердая папка для нот. Во-первых, на ней было очень удобно зимой спускаться с ледяных гор. Кроме того, ею было удобно бить по голове действительно одаренных юных музыкантов.

Но все равно из школы меня не исключали. Тогда, извините, я вынужден был перейти к террористическим актам: много серы, пистоны и все это я положил под педаль рояля. Сольфеджио преподавал такой милый человек, совершеннейший божий одуванчик. Решил он нам сыграть «Юмореску» Дворжака. Получилось не так смешно, как этого хотел преподаватель. Когда он нажал на педаль, раздался оглушительный взрыв. А когда дым рассеялся, выяснилось, что в этой школе меня уже нет. Меня выгнали. Притом навсегда.

Больше музыке меня не учили. И когда я понял, что не стал пианистом, я решил стать певцом. Надо сказать, что у нас в доме пели все. Нет, это был не сумасшедший дом. Просто были очень веселые люди. Пел отец, пела и мама. Приходили гости - тоже пели. И я решил попробовать. Я выбирал момент, когда никого не было дома, закрывал дверь и начинал во весь голос, громко, отчаянно. Через три дня родители позвонили соседям и сказали, что «если вы не прекратите мучить кошку, мы сообщим в милицию». И опять же утешил меня дядя Леня. Он сказал: «Андрюша, детка, брать надо не криком, не голосом, а душой». И я на всю жизнь запомнил эти слова.

